

Архитектоника и этические основы эстетического целого у Бахтина**НАЯН ТАРА**

Аспирант, Центр русских исследований, Университет им. Джавахарлала

Неру, Нью Дели, 110067

Architectonics and the Ethical Foundations of the Aesthetic Whole in Bakhtin**NAYAN TARA**

Research Scholar, CRS, SLL&CS, JNU, New Delhi – 110067

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия архитектоники в философско-эстетическом творчестве Михаила Бахтина. С 1920-х годов Бахтин развивал этот термин, показывая, как разнородные художественные элементы могут объединяться в предварительное целое с эстетической и этической структурой. Особое внимание уделяется архитектонике как этическому основанию формирования эстетической целостности. Термин «архитектоника» происходит от греческого слова ἀρχιτέκτων, что означает «мастер-ремесленник».

В творчестве Бахтина он обозначает принцип организации художественного и языкового материала. Разнородные элементы в произведении соприкасаются друг с другом, имеют общие границы, но сохраняют свою индивидуальность. Архитектоника обеспечивает их этическую и эстетическую упорядоченность. Она становится основой таких понятий, как полифония, диалогизм, хронотоп, карнавал и разноречие. Она также помогает понять взаимодействие «я» и «другого» в художественном и языковом пространстве. В статье показано, как архитектоника формирует этически и эстетически обоснованное целое и укрепляет позиции Бахтина в философской обработке языка XX века.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, язык, ответственность, этика, эстетика, архитектоника

Abstract: This article analyses the concept of architectonics in Mikhail Bakhtin's philosophical and aesthetic work. From the 1920s onwards, Bakhtin developed this term, showing how diverse artistic elements can be combined into a preliminary whole with an aesthetic and ethical structure. Attention is paid to architectonics as the ethical basis for the formation of aesthetic integrity. The term 'architectonics' comes from the Greek word ἀρχιτέκτων, which means 'master craftsman'.

In Bakhtin's work, it refers to the principle of organizing artistic and linguistic material. Heterogeneous elements in a work encounter each other, share common boundaries, but retain their individuality. Architectonics ensure their ethical and aesthetic orderliness. It becomes the basis for such concepts as polyphony, dialogism, chronotope, carnival, and heteroglossia. It also helps to understand the interaction between the 'I' and the 'other' in the artistic and linguistic space. The article shows how architectonics forms an ethically and aesthetically justified whole and strengthens Bakhtin's position in the philosophical treatment of language in the 20th century.

Keywords: M. M. Bakhtin, language, answerability, ethics, aesthetics, architectonics

Термин «архитектоника» относится к изучению различных типов структур и принципов их организации. Он произошёл от греческого слова *architektonike*, которое означает «строительное искусство, конструкция здания».¹ Первоначально данный термин был связан с архитектурой и обозначал искусство строительства зданий. Однако уже на раннем этапе своего употребления архитектоника начинает обозначать более широкий принцип построения, то есть способ, посредством которого различные элементы соединяются и образуют целостную структуру. Таким образом, архитектоника касается не только материального строительства, но и более общего вопроса. Она связана с тем, каким образом отдельные части собираются воедино и формируют целостность.

В философской традиции первое употребление понятия архитектоники обычно связывают с Аристотелем. В его понимании архитектоника предполагает наличие предварительного замысла, благодаря которому различные элементы могут быть организованы в единую форму. Любое построение начинается с идеи или концепции, которая сначала формируется в сознании, а затем получает своё выражение в определённой структуре. Подобно тому как архитектор, проектируя здание или сооружение, прежде всего формирует общий замысел и концептуальную модель будущего строения, архитектоника предполагает процесс организации элементов в соответствии с этим замыслом.

Эту мысль развивает Ричард Маккеон, который, интерпретируя архитектонику у Аристотеля, отмечает, что истинным объектом архитектуры являются не кирпичи, раствор или древесина, а дом как целостное образование. По аналогии с этим главным объектом философии выступают не отдельные материальные элементы, а их композиция и тотальность формы, вне которой они не обладают самостоятельным существованием.²

В дальнейшем философское значение понятия архитектоники получает систематическое развитие в работах Иммануила Канта. Именно Кант вводит данный термин в философию как принцип построения систем знания. В его понимании архитектоника представляет собой искусство построения систем из знаний, благодаря которому создаётся единство из множества различных идей, объединённых одним рациональным принципом. Этот принцип определяет как область содержания системы, так и взаимное расположение её частей.

В литературе термин «архитектоника» не теряет своей семантики, которая характерна для архитектуры, однако переносится на анализ художественного произведения. По своей природе

¹ Николокин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак, 2003. Стр - 61

² McKeon, Richard. The basic works of Aristotle. Modern Library, 2009. Page - 3-5

архитектоника предполагает самое строгое внимание к соотношению частей и их взаимной организации. Другими словами, она может рассматриваться как своего рода наука об отношениях. Речь идёт об отношениях между элементами, которые формируют определённую пропорцию, необходимую для достижения художественной целостности. При этом пропорция такого целостного отношения никогда не является статичной: она изменяется и развивается в процессе художественного становления произведения.³

Особое значение понятие архитектуры получает в работах русского философа и литературного критика Бахтина. Определяя характер собственного метода исследования, Бахтин подчёркивает его междисциплинарный характер и пишет: «приходится называть наш анализ философским. Это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях».⁴

В этом междисциплинарном контексте термин «архитектоника» в работах Бахтина приобретает особую теоретическую значимость. В различных текстах он постоянно получает новые смысловые оттенки и используется в разных аналитических контекстах. Как в ранних, так и в поздних философских эссе Бахтин развивает и уточняет содержание этого понятия, применяя его для анализа принципов организации эстетического целого.

Как отмечает Дон Бялостоцкий, Бахтин переосмысливает философскую традицию употребления термина «архитектоника». В философии его концептуальное значение было сформулировано Кантом, который определял архитеконику как искусство построения систем знания. В кантовском понимании система создаёт единство из множества различных идей, объединённых одним рациональным принципом. Этот принцип, с одной стороны, определяет сферу содержания системы, а с другой стороны устанавливает взаимное расположение и соотношение её частей. Однако Бахтин использует этот термин иначе. В его работах понятие «архитектоника» не получает одного строго фиксированного определения и в каждом контексте приобретает новые смысловые оттенки. Тем самым Бахтин фактически противопоставляет своё понимание архитектуры строгому и нормативному кантовскому определению. Если в философской

³ Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. Universum: филология и искусствоведение. 2014. Стр - 8

⁴ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 297

традиции и в большинстве словарных определений сохраняется именно кантовская трактовка, то у Бахтина этот термин остаётся более гибким, открытым и концептуально подвижным.⁵

В этом смысле Бахтин фактически становится первым мыслителем, который применяет понятие «архитектоника» для анализа ценностной структуры эстетического объекта.⁶ В литературе под этим термином понимается «построение художественного (литературного) произведения как единого целого, в котором интегральная взаимосвязь и соотношение отдельных его частей определяются идеей произведения».⁷ Такое понимание термина «архитектоника» является базовым для дальнейшего анализа художественного произведения как сложной системы взаимосвязанных элементов.

В ранних философских работах начала 1920-х годов Бахтин разрабатывает понятие архитектоники как принцип организации человеческого опыта, действия и художественного творчества. Наиболее раннее и фундаментальное изложение этой идеи содержится в работе «К философии поступка» (1919–1921), где Бахтин рассматривает архитектонику в контексте этической философии действия. В этом тексте он стремится описать структуру реального человеческого поступка, который существует не как абстрактная схема, а как конкретное и уникальное событие бытия. Бахтин подчёркивает, что моральная философия должна описывать не абстрактные законы, а «конкретную архитектонику действительного мира совершённого поступка»⁸, то есть конкретный план или схема мира единичного и однократного действия или поступка.

В этом мире поступка центральное место занимает уникальное положение субъекта в бытии. Бахтин пишет, что «этот мир дан мне из моего единственного места в бытии как мир конкретный и уникальный».⁹ Мир действия организован вокруг конкретного субъекта, поскольку каждый поступок исходит из его единственной и неповторимой позиции в бытии. В связи с этим Бахтин выделяет основные архитектонические моменты структуры человеческого опыта: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого».¹⁰ Именно вокруг этих трёх позиций, по его мнению,

⁵ Bialostosky, Don. "Architectonics, Rhetoric, and Poetics in the Bakhtin School's Early Phenomenological and Sociological Texts." *Rhetoric Society Quarterly* 36.4 (2006): Page - 356

⁶ Тамарченко Н.Д. Литературная энциклопедия терминов и понятий. «Интелвак», 2003. Стр - 61

⁷ Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. *Universum: филология и искусствоведение*. 2014. Стр.- 6

⁸ Bakhtin, M. M. *Toward a Philosophy of the Act*. University of Texas Press Slavic Series. Austin: University of Texas Press, 1993. Page - 54

⁹ Там же, стр - xiv

¹⁰ Там же, стр - 54

организуются все ценности человеческой жизни и культуры: научные, эстетические, политические и религиозные.

Эта ранняя концепция этической архитектоники получает дальнейшее развитие в эссе «Искусство и ответственность» (1919) где Бахтин рассматривает отношение между искусством и жизнью. В этом тексте он подчёркивает принцип ответственности, согласно которому художественное творчество не может быть полностью отделено от реальной жизни человека. Искусство и жизнь должны быть связаны единством ответственности субъекта, поскольку человек как участник жизни несёт ответственность за свои поступки и за создаваемые им культурные формы.

В философии Михаила Бахтина понятие архитектоники связано с уникальным и ответственным участием субъекта в бытии. Бахтин пишет: «Если я абстрагируюсь от центра, который составляет отправную точку моего единовременного участия в Бытии, ... то конкретная уникальность и непреложная актуальность мира неизбежно начнут разлагаться».¹¹ Этим подчеркивается, что отвлечение субъекта от собственной ответственной позиции приводит к распаду конкретной целостности переживаемого мира. Далее он отмечает: «Конкретная архитектоника реально переживаемого мира будет заменена вневременным, внепространственным, неценностным систематическим единством абстрактно-универсальных моментов».¹² Тем самым Бахтин показывает, что без живого и ответственного участия субъекта мир теряет свою ценностную и конкретную целостность, превращаясь в абстрактную систему универсальных элементов.

Он рассматривает архитектонику как основную тему в своих эссе «Искусство и ответственность» и «Автор и герой в эстетической деятельности». Статья посвящена вопросу о том, как автор формирует своего рода предварительную целостность из отношений, которые он выстраивает со своими героями. В работах Бахтина архитектоника служит основой для обсуждения этого вопроса. Именно благодаря архитектонической организации отношений между автором и героем становится возможным формирование художественного целого.

Таким образом, ранние работы Бахтина об архитектонике дают другой теоретический подход по сравнению с его более поздними исследованиями романа. Работы Бахтина начала 1920-х годов, посвящённые архитектонике, раскрывают более широкий философский контекст его эстетических идей. В этих работах риторика переосмысливается не просто как техника убеждения или стилистический приём, а как ценностно ориентированный и ответственный дискурс,

¹¹ Там же, стр - 68

¹² Там же.

укоренённый в реальном человеческом опыте и взаимодействии. Поэзия, в свою очередь, рассматривается как эстетическое отражение такого ценностного и ответственного отношения к миру. В этом смысле архитектоника выступает как принцип, позволяющий рассматривать художественное произведение не как механическую композицию отдельных элементов, а как целостную, ценностно организованную систему отношений между субъектами. Такое понимание открывает возможность рассматривать эстетику как часть более широкой архитектурной структуры человеческого опыта.

Исходя из этого, Холквист отмечает, что в работах Бахтина эстетика рассматривается как один из разделов архитектуроники. Архитектоника в этом контексте представляет собой общее учение о том, как различные элементы, события и субъекты соотносятся друг с другом в рамках единого целого. Эстетика же занимается особой проблемой завершения (завершённости), то есть тем, каким образом отдельные части человеческого опыта и художественного произведения формируются в целостную структуру.¹³

Бахтин утверждает, что познавательные и этические ценности сами по себе не могут выступать в качестве окончательных моментов, которые способны завершить образ героя и его жизнь как целое. Например, такие события, как рождение и смерть героя, хотя и являются важными моментами его существования, не могут быть полностью осмыслены изнутри его собственного сознания. Эти события, наряду со многими другими аспектами человеческого существования, не являются трансгredientными по отношению к самому герою, поскольку они требуют внешней точки зрения другого субъекта для их завершения и осмысления.¹⁴

Таким образом, проблема завершённости в эстетике Михаил Бахтин непосредственно связана с архитектуронической организацией отношений между «Я» и «Другим». Только позиция другого сознания способна придать человеческой жизни и художественному образу форму завершённого целого, поскольку человек никогда не может полностью увидеть и завершить самого себя изнутри собственного опыта. Поэтому такие понятия, как трансгredientность, «избыточность видения», вненаходимость и принцип «не-алиби в бытии», становятся фундаментальными для понимания бахтинской архитектуроники. Как отмечает Бахтин: эстетическое вчувствование (видение героя или предмета изнутри них) активно осуществляется из этой уникальной вненаходимой позиции; в этой же самой позиции осуществляется и эстетическое восприятие, то есть утверждение и оформление материала, полученного через вчувствование, в пределах единой

¹³ Bakhtin, M. M. Art and Answerability- Early Philosophical Essays. University of Texas Press. 1990. Page - 2

¹⁴ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 17

архитектоники видения.¹⁵ Иными словами, эстетическое переживание возникает благодаря вненаходимой позиции наблюдателя, который, обладая «избытком видения», способен оформить и завершить образ другого в пределах единой архитектуры восприятия.

Связанным с этим принципом является и бахтинская формула «моё не-алиби в бытии», выражающая идею неустранимой ответственности субъекта за собственное участие в мире. Бахтин пишет, что идею «моё не-алиби в бытии» можно объяснить следующим образом. Человек не может избежать ответственности за свой поступок. Нельзя оправдаться алиби. Нельзя сказать, что находился в другом месте. Поступок всё равно связан с человеком, который его совершил. Поэтому человек всегда отвечает за свои действия.¹⁶ Эта мысль подчёркивает, что каждый акт человеческого существования уникален и не может быть заменён или оправдан ссылкой на отсутствие субъекта. Человек всегда занимает неповторимую позицию в событии бытия и потому несёт ответственность за свои поступки. Именно из этой уникальной позиции формируется архитектура отношений между «Я» и «Другим», в рамках которой эстетическое оформление и этическая ответственность оказываются взаимосвязанными.

Из этого следует, что в структуре человеческого существования присутствуют два ценностных центра «я» и «другой». Именно вокруг этих двух центров организуется архитектура ответственного поступка и самой жизни. Они не могут существовать в изоляции или иерархии, где один полностью подчиняет другой; напротив, между ними должна сохраняться взаимная соотнесённость и обратимость. С пространственно-временной и аксиологической точки зрения архитектурная связь между «я» и «другим» образует фундаментальную структуру переживаемого мира. Это означает, что перспектива «я» не может претендовать на абсолютное доминирование: полнота смысла и ценности возникает только во взаимном отношении двух сознаний, где каждое занимает уникальную позицию и дополняет другое.¹⁷

Бахтин обнаруживает, что архитектура ответственности достигается в литературе, в словесном искусстве. В архитектонике словесного искусства ценностный центр представлен отношениями автора и героя, а точка зрения характеризуется способностью к трансгредиентности, избыточностью видения и экзотопии. То есть для достижения художественной ценности авторский взгляд должен свидетельствовать об инаковости и внехудожественных ценностях героя. Поэтому авторский взгляд должен быть экстралокализован по отношению к герою в

¹⁵ Bakhtin, M. M. *Toward a Philosophy of the Act*. University of Texas Press Slavic Series. Austin: University of Texas Press, 1993. Page - 67

¹⁶ Там же, стр - 95

¹⁷ Ponzio, Augusto. *Philology and Philosophy in Mikhail Bakhtin*. 2015. Page - 138

пространстве, времени и смысле. Именно такая вневременная позиция автора позволяет ему увидеть героя как целостность события жизни, тем самым создавая условия для эстетической объективности художественного образа.

Бахтин говорит, что «для эстетической объективности ценностным центром является целое героя и относящегося к нему события, которому должны быть подчинены все этические и познавательные ценности; эстетическая объективность включает в себя познавательно-этическую».¹⁸ В этом контексте авторство является актом эстетическим, поскольку автор видит всего героя, как он реагирует на других, как другие реагируют на него, а также как меняются отношения между ними.

Бахтин в его работе «Автор и герой в эстетической деятельности» с самого начала обращает внимание читателя на то, что «автор» рассматривается не как «автор как человек», а как «автор как творец». А «герой» является не просто персонажем, а образом человека, который рассматривается как целое. Согласно Бахтину, автором является «носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгredientного каждому отдельному моменту его».¹⁹ Такое понимание сразу задаёт особую архитектурную дистанцию между позицией автора и героя в художественном произведении.

В отличие от героя, автор обладает избыточным видением. Он знает все о каждом герое и событиях их жизни. Иными словами, автор видит и знает то, что в принципе недоступно героям. И именно эта позиция избыточного видения автора как творца позволяет ему найти все те моменты, которые приводят к завершению целого. Целое каждого героя, а также целое событий, которые составляют их жизнь и в которых они совместно участвуют, то есть целое произведения. Таким образом, избыточность видения становится условием эстетического завершения художественного мира произведения.

Согласно Бахтину, «чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя — во всяком случае, во всех существенных моментах жизни, — надо ценностно еще предстоять себе, не совпадать со своею наличностью».²⁰ «В этом смысле эстетическая объективность идет в другом направлении, чем познавательная и этическая».²¹ Можно сказать, что именно поэтому Бахтин

¹⁸ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр - 17

¹⁹ Там же, стр - 16

²⁰ Там же, стр - 16-17

²¹ Там же, стр - 17

рассматривает героя произведения как образ человека, так как у него отсутствует избыток видения. Он не может совпадать со своею наличностью. Он сам не может создать целое.

По словам Холквиста, эстетика в понимании Бахтина всегда предполагает восприятие объекта, текста или даже человека в целом. такое завершение затем рассматривается как акт авторства. Авторство героя является особым видом отношения к другому человеку. Это эстетическое событие в том смысле, что оно является реакцией на целое героя как человека, которое трансгредиентно к самому себе. Таким образом, отношение между ними является отношением «я» и «другой», которое рассматривается Бахтиным в смысле авторства. Для того чтобы создать это целое, автор должен находиться вне героя и обладать «избытком видения», который позволяет ему видеть все то, что трансгредиентно самому герою. Теоретические рамки Бахтина включают в себя то, что целое никогда не дано, но всегда достигается. Бахтин пытался достичь целого из потенциальных частей. Это именно то, что теоретизирует архитектурника.

Грир говорит, что по Бахтину архитектурническое единство означает более глубокое ощущение целого. Подобно тому как архитекторы рассматривают массу и силы гравитации, которые играют роль в строительстве здания, архитектурника как метафора подразумевает невидимые социальные силы, прежде всего в языке, которые окружают и определяют нас. Эти силы толкают и затягивают нас, мы привлекаемся к ним или отталкиваемся от них. Мы определяемся тем, что нам нравится и не нравится. Как люди, живущие в этом мире, и как писатели, мы занимаем позицию в отношении того, что нам нравится и что не нравится. Мы организуем предметы мира в своем сознании и создаем свою собственную идентичность на основе нашего отношения к этим предметам. В этом процессе мы формируем личное понимание соотношения частей и целого. У этого целого есть еще одно слово, что является значением.²²

Архитектурника активна, потому что она постоянно развивается в диалогическом процессе. По мнению Холквист, диалогизм можно рассматривать как одну из форм архитектурники. Он понимает её как общую науку о порядке соединения частей в целое. В этом смысле архитектурника является наукой об отношениях. Части соотносятся друг с другом и образуют целостность через пропорциональные связи. Бахтин подчёркивает, что такие отношения не являются статичными. Они постоянно находятся в процессе образования, изменения и разрушения.²³ Поэтому архитектурника представляет собой динамическую структуру, которая формируется в непрерывном диалогическом взаимодействии.

²² Greer, Russell. Architectonics and style. The centrality of style. 2013. Page - 71-80

²³ Holquist, M. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge. 2003. Page - 28

Холквист также отмечает, что Бахтин обращает внимание на важность в диалогизме. В диалогизме мир обращается к нам, и мы живы и человечны в той мере, в какой мы отвечаем. Мы можем отвечать на адресацию. Мы отвечаем в том смысле, что вынуждены отвечать. Мы не можем выбирать, но должны дать миру ответ. Каждый из нас занимает в бытии уникальное место. Бахтин называет это «не-алиби в бытии», что означает уникальность места, которое я занимаю в бытии. В самом глубоком смысле этого слова оно означает ответственность. Только в этом месте ко мне обращен мир, поскольку только я в нем нахожусь. Более того, мы должны продолжать формировать ответы, пока мы живы.²⁴ Бахтин говорит, что «за то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней».²⁵

В диалогическом мире каждый из нас несет ответственность за свой ответ на обращение мира к нам. Можно сказать, что, мои ответы в диалоге, который я вел, будут иметь форму текста, своего рода книги. Более того, книга, которая принадлежит к определенному жанру. Бахтин рассматривает бытие как разновидность книги, которая называется романом. Бахтин использует литературный жанр романа как аллереорию для представления бытия как условия авторства.²⁶ В связи с этим можно сказать, что «искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности».²⁷ Таким образом, каждый опыт, понятый и пережитый, требует от нас ответа через жизнь и творчество.

Даже автор в эстетической деятельности обретает позицию, подобно тому как её обретает герой в произведении. Это делает художественный процесс по своей природе диалогическим, поскольку целое не дано сразу, а формируется через опосредование. Основное различие между автором и героем заключается в способности автора к трансгредирентности, в его избыточном видении и во вневременности, которая позволяет охватить то, что недоступно героям. Благодаря этому опосредованное завершённое целое становится полифоническим: герой и автор имеют свои собственные голоса, стоящие рядом и взаимодействующие друг с другом. При этом достигаемые и опосредованные целостности сохраняют гетероглосную природу героев, отражая их различие и многоголосие.

Необходимым условием для обладания точкой зрения является способность видеть. Но видеть можно только с определённого места в бытии. Любой анализ, понимание или оценка всегда

²⁴ Там же, стр - 28

²⁵ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр – 7

²⁶ Holquist, Michael. Dialogism: Bakhtin and his world. Routledge. 2003. Page – 28-29

²⁷ Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979. Стр – 8

требует точки зрения. Эта точка зрения имеет конкретное расположение, прежде всего в физическом теле, которое занимает пространство и время. Суть всей бахтинской архитектоники заключается именно в этом: архитектоника означает упорядочивание смысла через отношения, позиции и взаимное соотнесение элементов художественного и человеческого опыта.

Заключение

Можно сказать, что в философии Михаила Бахтина архитектоника представляет собой структуру, через которую строятся отношения между «Я» и «Другим». Эти категории создают основу для понимания вненаходимости. Это означает, что истина и целостность не могут быть достигнуты только изнутри. Они находятся частично во внешнем мире, в позиции другого. Архитектоника упорядочивает смысл и формирует динамическую диалогическую структуру. В ней взаимодействуют автор и герой, части художественного произведения и человеческого опыта. Через архитектонику возможно соединение различных элементов в завершённое целое. Каждая точка зрения сохраняет свою уникальность. Голоса героев и автора создают полифоническую целостность.

Эстетическое завершение, по Бахтину, возникает в условиях ответственного авторства. Автор, обладая избыточным видением и трансгредивной позицией, формирует образ героя как целое. Взаимодействие ценностных центров «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого» создаёт моральный и эстетический порядок. Бахтинская архитектоника связывает этику, эстетику и познание. Художественное и человеческое целое формируется через диалог, ответственность и вненаходимость. В XX веке этот подход углубил философское понимание языка и творчества. Архитектоника стала ключевым принципом организации смысла в литературе и жизни.

Библиография

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. Рипол Классик. 1979.

Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975.

Бахтин, М. М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1985.

Бердник, Е. С. Корреляция понятий «композиция» и «архитектоника» в литературоведении. Universum: филология и искусствоведение. 2014.

Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М., 2002.

Денисова, Е. А. Категория смерти в антропологической системе М. М. Бахтина. Теория и практика общественного развития. 2006.

Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. 2000.

Медведев П.Н. (Бахтин М.М.). Формальный метод в литературоведении. М., 1993.

Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак. 2003.

Сандлер, С. В. карнавала в контексте философии М. М. Бахтина. *Studia Litterarum*. 2016.

Тамарченко Н.Д. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Интелвак. 2003.

Bakhtin, M. M. *Art and Answerability_ Early Philosophical Essays*. University of Texas Press. 1990.

Bakhtin, M. M. *Toward a Philosophy of the Act*. University of Texas Press Slavic Series. Austin: University of Texas Press, 1993.

Bialostosky, Don. "Architectonics, Rhetoric, and Poetics in the Bakhtin School's Early Phenomenological and Sociological Texts." *Rhetoric Society Quarterly* 36.4 (2006): 355-376.

Boyarin, Daniel. *Intertextuality and the Reading of Midrash*. Bloomington: Indiana University Press. 1994

Clark, Katerina, and Michael Holquist. *Mikhail Bakhtin*. Harvard University Press. 1984.

Emerson, Caryl. "Bakhtin at 100: Art, ethics, and the architectonic self." *The Centennial Review* 39.3 (1995): 397-418.

Greer, Russell. *Architectonics and style. The centrality of style*. 2013.

Mayerfeld Bell, Michael and Gardiner, Michael. *Bakhtin and the Human Sciences. No last words*. London-Thousand Oaks-New Delhi: SAGE Publications. 1998.

Lynch, R. A. Bakhtin's ethical vision. *Philosophy and Literature*. 1993.

McKeon, Richard. *The basic works of Aristotle*. Modern Library, 2009.

Morson, G. S. and Emerson, C. *Introduction: Rethinking Bakhtin*. Evanston: Northwestern University Press. 1989.

Holquist, M. *Dialogism: Bakhtin and his world*. Routledge. 2003

Holquist, M. *Dialogism* (2nd ed.). London: Routledge. 1990

Holquist, M. *Bakhtin and Rabelais: Theory as praxis*. 1982.

Holloway, J. and Kneale, J. *Mikhail Bakhtin: dialogics of space*. Thinking space. Routledge, 2002.

Ponzio, Augusto. *Philology and Philosophy in Mikhail Bakhtin*. 2015

Sue Vice. *Introducing Bakhtin*. Manchester University Press. 1998